

Глава 6: Проявленная сила

—

Услышав доклад слуги о приходе Сяо Шаня, Сяо Цзинь разговаривал с супругой Лю Цзинъи.

Ребенок в животе супруги Лю в последние два дня очень сильно беспокоил ее, из-за чего ей было очень плохо, и у нее совсем не было аппетита. Сяо Цзинь поговорил с ней немного, и ее настроение значительно улучшилось. Хотя ей все еще не хотелось ничего есть, по крайней мере, она могла отвлечься.

Сяо Шань, увидев Сяо Цзиня и Лю Цзинъи, подошел, чтобы поприветствовать их.

Сяо Цзинь схватил его за руку, не давая поклониться, и сказал: «Я уже говорил, нам, братьям, не нужно быть такими вежливыми».

Сяо Шань не стал упрячиться, покорно встал, затем поздоровался с Лю Цзинъи, назвав ее «второй невесткой».

Лю Цзинъи вежливо сказала ему пару слов и под предлогом ушла.

После ее ухода с Сяо Шаня мгновенно слетела вся вежливость. Он нашел стул, сел и мягко откинулся назад.

Сяо Цзинь, глядя на его ленивую позу, не мог не покачать головой: «Будь серьезнее, отец-император снова будет ругать тебя за твою бесхребетную позу».

Сяо Шань равнодушно ответил: «Я такой от природы, не могу измениться. Пусть отец-император ругает, если хочет, иначе он будет держать гнев в себе, а это тоже не дело».

Сяо Цзинь был беспомощен. В этом мире мало кто не боялся гнева Сяо Шэна, и Сяо Шань был одним из них. Он не только не боялся, но и мог подлить масла в огонь.

Сяо Цзинь не стал больше тратить слова на эту тему: «Ладно, не будем об этом».

Главным было то, что он знал, что дальнейшие разговоры бесполезны, сколько бы он ни говорил, тот не изменится.

Сяо Шань, приподняв бровь, улыбнулся: «Раз не об этом, то второй брат звал меня по делу?»

Сяо Цзинь слегка опешил, подумав про себя, какое у него может быть дело к нему, и тут же

вспомнил, что сейчас, вероятно, первый визит Сяо Шаня и Се Чжужа во дворец после свадьбы. Император и императрица, конечно, не будут их беспокоить. Вероятно, наложница Лань хотела поговорить с Се Чжужем наедине, поэтому отправила Сяо Шаня к нему.

Он не мог не уважить наложницу Лань, поэтому с выражением прозрения сказал: «О, да, действительно есть кое-что». Его большой и указательный пальцы неосознанно потирались друг о друга, он пытался сообразить, какое у него может быть дело к Сяо Шаню.

Сверчки? Сейчас не то время.

Прогуляться вне дворца? Вместе обсудить красавиц?

Это, похоже, не имеет отношения к нему, наследному принцу.

Так зачем же он звал Сяо Шаня? Или, может быть, сослаться на супругу Лю, сказав, что Лю Цзиньши хочет встретиться с Се Чжужем...

Сяо Шань, глядя на то, как Сяо Цзиньши серьезно ищет причину, не удержался и рассмеялся, сказав: «Ну ладно, второй брат, не напрягайся, я знаю, что матушка-наложница специально так сказала, чтобы отослать меня».

Сяо Цзиньши, услышав это, первым делом вздохнул с облегчением, затем с улыбкой обругал его: «Ах ты, негодник!»

Сяо Шань хмыкнул пару раз.

Сяо Цзиньши смотрел на него и вздыхал про себя. Он знал, что с тех пор, как император издал указ о браке, наложница Лань была недовольна Се Чжужем, и сейчас, должно быть, то же самое. Однако Сяо Цзиньши не мог ничего сказать по этому поводу: во-первых, он не хотел, чтобы Сяо Шань неправильно понял, будто он просит его использовать свое обаяние для привлечения Се Чжужа; во-вторых, Се Чжужа уже был замужем за Сяо Шанем, он был супругом, которого Сяо Шань лично ввел в дом, и, будучи его братом, он должен был избегать лишних разговоров.

Однако, если бы Се Чжужа был настоящим мужчиной, он, конечно, захотел бы общаться с таким человеком.

Больше всего Сяо Шань сейчас хотел вернуться в поместье князя Ли, обнять Се Чжужа и хорошенько поспать. Помимо прочего, Се Чжужа, хоть и выглядел жестким, был очень хорошо сложен, а после «растирания» стал теплым и мягким, его было очень приятно обнимать.

Уже по одной этой причине он хотел вернуться в поместье.

Он не то чтобы не знал, о чем думала наложница Лань, и даже пытался остановить ее. Но если Се Чжуй хотел встретиться с ней один на один, то он, естественно, не стал бы вмешиваться. К тому же, ему было любопытно, как Се Чжуй поведет себя с наложницей Лань.

Они уже поженились, и теперь они супруги. Чем больше он узнает о характере Се Чжуй, скрывающемся за его холодной внешностью, тем проще им будет ладить в будущем.

Размышляя об этом, Сяо Шань медленно отпивал чай, на его лице читалась скука.

Сяо Цзинь, наблюдая за ним, слегка улыбнулся. Ему нравилось быть рядом с Сяо Шанем, потому что Сяо Шань не стал бы, как другие, поучать его, как ему следует себя вести, чтобы соответствовать своему статусу, и ему не нужно было опасаться, что Сяо Шань будет действовать против него.

Перед другими он был наследным принцем, но перед Сяо Шанем он был живым, настоящим человеком, способным испытывать радость, гнев, печаль и веселье.

Сяо Шань медленно допил чашку чая, затем зевнул. Прикинув, что время подошло, он встал и сказал: «Второй брат, я возвращаюсь. Через пару дней я приведу Се Чжуй, чтобы выразить почтение тебе и невестке».

Сяо Цзинь, заметив спокойный тон, с которым он упомянул Се Чжуй, многозначительно спросил: «Как я могу быть спокоен, видя тебя таким?» Он знал характер Сяо Шаня: если он кого-то по-настоящему не любил, то и смотреть не желал, не говоря уже о том, чтобы произносить его имя таким спокойным тоном.

Судя по всему, впечатление от Се Чжуй у него было неплохое.

Это осознание Сяо Цзинь не мог не приветствовать.

Будучи наследным принцем, ему суждено было быть более эгоистичным, чем Сяо Шань.

Хорошие отношения между Сяо Шанем и Се Чжуйем будут ему на руку, и он, естественно, рад этому.

Ему просто было трудно понять, делает ли Сяо Шань это для того, чтобы помочь ему привлечь армию Северной границы, или же это идет от чистого сердца.

Если последнее, он искренне радовался за Сяо Шаня; если первое, ему было не по себе.

Согласно тому, чему его учили с детства, у него не должно быть такой мягкости. Чтобы достичь такой позиции, нужно уметь использовать каждого. Но Сяо Шань был другим.

Их отношения всегда были глубже, чем с другими братьями, и он не мог использовать Сяо Шаня без угрызений совести.

Сяо Шань удивленно посмотрел на него и сказал: «Раньше ты всегда говорил, что я еще незрелый и не женат, и поэтому ты не спокоен. Теперь я женился, чего ты еще беспокоишься? Если человек так молод, но у него такое старое сердце, ему легко стать стариком».

Гладкое лицо Сяо Цзиня дернулось. Что значит «еще незрелый»? Когда он говорил такие слова? В этот момент он вдруг ощутил то, что чувствовал Сяо Шэн, сталкиваясь с Сяо Шанем. Это была врожденная способность Сяо Шаня: вместо того чтобы говорить спокойно, он всегда стремился разжечь в других гнев, и очень хотелось чем-нибудь заклеить этому человеку рот.

Сяо Цзинь глубоко вдохнул несколько раз, затем указал на ворота Восточного дворца, показывая, что ему пора уходить.

Сяо Шань без сожалений развернулся и ушел.

Как только он вышел за ворота Восточного дворца, он увидел Цзи Аня, спешащего к нему.

Во дворце было много правил: нельзя было громко шуметь и бегать куда бы то ни было, и Цзи Ань не осмеливался их нарушать, поэтому его шаги были лишь немного быстрее. Сяо Шань, идя в Восточный дворец, специально оставил Цзи Аня, опасаясь, что Се Чжуй не справится с наложницей Лань.

Теперь, видя его такие поспешные шаги, он понял, что во Дворце Цзинлань что-то произошло.

Цзи Ань подошел, его лицо было немного странным.

Сяо Шань приподнял брови: «Что случилось?» Судя по его выражению, Се Чжуй что-то сделал и не остался в проигрыше.

Цзи Ань тихо сказал: «Ваше Высочество, госпожа там устроила скандал, вам нужно срочно вернуться».

Сяо Шань спокойно сказал: «О, тогда пошли».

Цзи Ань поспешно последовал за ним, с неоднозначным выражением лица.

Наложница Лань не то чтобы не любила Сяо Шаня, наоборот, она его очень сильно любила. Она часто плакала, но когда Сяо Шаня наказывал император, она осмеливалась за него заступаться. Однако из-за своего характера она иногда действовала, не думая о последствиях, и легко поддавалась влиянию других.

Она также совершала поступки, за которые ее можно было уличить, и когда дело доходило до этого, она жалела, но свой характер изменить не могла.

Например, сегодня, когда Сяо Шань и Се Чжуй впервые пришли во дворец после свадьбы, независимо от того, что другие думали или как относились к этому браку, наложнице Лань меньше всего следовало устраивать скандал.

Но наложница Лань не только устроила скандал, но и очень сильный. Секреты в этом дворце долго не хранятся, и это скоро превратится в посмешище.

Цзи Ань подумал про себя: если бы Сяо Шань совсем не заботился о Се Чжуне, это было бы одно дело, но Сяо Шань явно хотел быть с Се Чжуем обычными супругами, по крайней мере, жить во взаимном уважении.

Но наложница Лань была недовольна.

Конечно, с точки зрения наложницы Лань, репутация Се Чжужа была запятнана, и он не был достоин Сяо Шаня. С ее характером, она не могла притвориться, что любит Се Чжужа.

Таким образом, Сяо Шань оказался между наложницей Лань и Се Чжуем, и теперь все зависело от того, как он поступит.

На обратном пути в поместье Цзи Ань быстро вкратце рассказал о произошедшем.

Когда наложница Лань попросила Се Чжужа стоять у дверей зала, Се Чжуй так и сделал.

Однако наложница Лань все еще была недовольна и хотела, чтобы он стоял снаружи Дворца Цзинлань. На этот раз Се Чжуй не согласился, ведь это означало бы быть на виду, как обезьяна. Кроме того, где это видано, чтобы новобрачного в первый день встречи со старшими выгоняли за ворота? Даже в обычной семье это было бы неприемлемо, не говоря уже об императорском дворце.

В конце концов, наложницу Лань уговорила Цуй Шу, упомянув императрицу.

Императрица лучше всех знала характер наложницы Лань, зная, что она легко поддается чужим злым языкам. У женщин во внутреннем дворце было больше уловок, чем дыр в решетке, и спровоцировать наложницу Лань было очень легко.

Императрица боялась, что наложница Лань, увидев Се Чжужа, сойдет с ума, поэтому заранее предупредила ее, чтобы она не теряла самообладания при встрече с Се Чжуем.

Она также знала, что наложница Лань была не очень умна, поэтому специально наставила Цуй

Шу.

Наложница Лань, услышав, как Цуй Шу упомянула императрицу, немного пришла в себя и не стала дальше заставлять Се Чжуня стоять у дверей, но все равно смотрела на него с неприязнью.

Поясница Се Чжуня уже ныла, и ноги ослабли, и через некоторое время он не выдержал. Видя, что наложница Лань не собирается пускать его внутрь, Се Чжунь не захотел себя мучить, доложил ей и нашел каменную скамейку во дворе, чтобы присесть и отдохнуть.

Все равно, когда он воевал на границе, он не был таким придирчивым. Иногда, охраняя городские стены, он боялся вражеского нападения, и они могли отдыхать только во время смены караула. Часто, едва сменившись, они засыпали, прислонившись к стене, и даже не думали о том, грязная ли земля.

Теперь, имея скамейку, это было уже очень хорошо.

Его поступок ошеломил наложницу Лань и других. Тот небольшой рассудок, который наложница Лань обрела благодаря упоминаю императрицы, улетучился, и наложница Лань начала рыдать, крича, что Се Чжунь совсем не соблюдает правила и не уважает ее.

В конце концов, наложница Лань сказала, что Се Чжунь действительно такой, как о нем говорили другие - непочтительный и непослушный.

Обычно, услышав такое, все давно бы опустились на колени и просили прощения, но Се Чжунь нет. Раньше он предпочитал подчинять силой, а сегодня - логикой.

Увидев это, Цзи Ань побежал в Восточный дворец, чтобы позвать Сяо Шаня обратно. Когда наложница Лань теряла рассудок, только император и Сяо Шань могли ее утихомирить.

Сяо Шань, выслушав предысторию, усмехнулся, подумав, что характер Се Чжуня такой же упругий, как и его тело.

—

Когда они прибыли во дворец Цзинлань, Се Чжунь сидел на каменной скамье во дворе и объяснял ситуацию Цуй Шу, доверенному лицу наложницы Лань. Он сказал твёрдым тоном: «Его Высочество сказал мне, что если я почувствую себя совсем плохо, я должен отдохнуть. Я знаю, что матушка-наложница не желает меня видеть, поэтому я сел во дворе. Если матушка-наложница хочет винить меня за то, что я слишком послушен князю, то мне нечего сказать».

Наложница Лань, находясь во дворце, была так рассержена, что не могла даже плакать. Она смотрела на Се Чжуня, убеждённая, что он послан небесами, чтобы мучить её.

Как раз в этот момент вернулся Сяо Шань. Наложница Лань вышла, её лицо пылало от гнева: «Шань-эр, ты только посмотри на своего Ван Цзюня, он совершенно не соблюдает этикет передо мной. Это слишком, просто слишком возмутительно!»

Сяо Шань подошёл к Се Чжую, затем посмотрел на наложницу Лань и беспомощно сказал: «Матушка-наложница, если уж говорить о том, кто виноват, то это я, это я так поручил Се Чжую. Се Чжуй плохо себя чувствует, я сейчас отведу его обратно в резиденцию и через несколько дней снова приду поприветствовать матушку-наложницу».

Наложница Лань задыхалась от его слов. Она пошевелила губами, но не знала, что сказать.

Сяо Шань воспользовался моментом и увёл Се Чжую из дворца Цзинлань, оставив наложницу Лань с открытым ртом.

По пути в поместье князя Ли атмосфера в карете была несколько напряжённой. Внезапно Сяо Шань хлопнул в ладоши и сказал: «Забыл упомянуть отцу-императору о том, чтобы прислать нескольких евнухов».

Се Чжуй уставился на него и сказал: «Мне не нужны слуги».

Сяо Шань улыбнулся. Его кожа была бледной, лицо красивым, глаза чёрными, как лак. Такая улыбка была подобна сияющему драгоценному камню – красивой и изящной: «Ладно, тогда я сам буду прислуживать».

Слова были слишком распушенными, лицо Се Чжуха застыло, и он потерял дар речи.

Сяо Шань, увидев его таким, снова сменил тему: «Мать-наложница просто такая по натуре...»

Се Чжуй думал, что он скажет, что нужно больше уступать наложнице Лань.

Однако Сяо Шань сказал так: «К счастью, тебе не нужно часто ходить во дворец. Если ты не можешь с ней поладить, просто избегай её. А если уж совсем никак не избежать, то не потакай ей. Некоторые вещи она должна понять сама. Если не поймёт, сколько бы ты ни терпел, это бесполезно. Со мной ты можешь не унижать себя».

Се Чжуй, вспомнив его ловкость, с которой он вывел его из дворца, невольно подумал: «Неужели Сяо Шань всегда так поступал с наложницей Лань, просто убегая при малейшем несогласии?»

В другой части дворца, императрица, услышав о нелепом инциденте, произошедшем во дворце Цзинлань, вызвала к себе наложницу Лань.

Когда наложница Лань увидела ее, ее глаза покраснели.

Императрица, видя её такую, почувствовала боль в груди. Сдерживая гнев, она сказала: «Ты слишком легкомысленна. Брак с Се Чжужем дарован императором. Даже если ты недовольна, тебе следовало бы смириться. Если бы Сяо Шань относился к нему холодно, это ещё ладно, но он только вчера был обласкан, и как бы ты ни была недовольна, из-за того, что он впервые во дворце и ему плохо, ты не должна была так его мучить. Твои действия слишком дерзки, это всё равно что ударить по лицу и Сяо Шаня, и императора».

Она осмеливалась утверждать, что в том, что император постоянно ругал Сяо Шаня, была заслуга наложницы Лань.

Наложница Лань выглядела шокированной: «Обласкан?»

Она этого совершенно не заметила.

Или, вернее, она была так огорчена, что даже не взглянула на Се Чжуя.

Но...

«Как это возможно, Шань-эр любит такого, как Се Чжуй?»

Императрица закатила глаза и раздражённо сказала: «Ты спрашиваешь меня, а я кого спрошу?»

Она тоже была в шоке, разве нет?

У наложницы Лань текли слезы, она была убеждена, что Сяо Шань не обращает внимания на Се Чжуя, и даже не думала об этом.

Теперь же ей не удалось ни подавить его, ни выбить из колеи, а лишь навлечь на себя неприятности.

Императрица, видя её такой, почувствовала, как у неё начинают болеть зубы.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282498>